

ЯГА
4

КАК ЯГА
АДВОКАТОМ БЫЛА

Лана Эмбер

СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

ЛАНА ЭМБЕР
КАК ЯГА АДВОКАТОМ БЫЛА

«Автор»

2026

ЭМБЕР Л.

КАК ЯГА АДВОКАТОМ БЫЛА / Л. ЭМБЕР — «Автор», 2026

Четвертая книга из серии Яга/Сказки для взрослых Яга никогда не собиралась становиться адвокатом. Но когда Денницу обвинили в том, что Он подтолкнул человека к преступлению, выяснилось: желающих его судить много, а защищать — некому. И Яга взялась за дело. Теперь суду Белолесья предстоит выяснить, где заканчивается чужое влияние и начинается собственный выбор. Вот только никто ещё не подозревает, что этот процесс изменит не только судьбу обвиняемого.

© ЭМБЕР Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Защитник	5
За три месяца до этого	8
Глава 1. ОН	9
Глава 2. Симорон	14
Глава 3. Первые	20
Глава 4. Денница	24
Глава 5. Дирижабль	30
Глава 6. Понаехали	38
Глава 7. Гостиница и сороки	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

ЛАНА ЭМБЕР

КАК ЯГА АДВОКАТОМ БЫЛА

Пролог. Защитник

В суд Яга пришла из любопытства и уже через четверть часа об этом пожалела. В Белолесье суда не было отродясь, поэтому заседание устроили в старой Приказной палате, которую к этому случаю вычистили, заставили тяжёлыми скамьями и снабдили таким количеством печатей, папок и табличек, будто надеялись убедить всех присутствующих в серьёзности происходящего исключительно весом канцелярских принадлежностей. Получилось не очень. На подоконниках сидели сороки, в проходе спорили семь гномов, Кот в сапогах неизвестно каким образом оказался сразу возле обвинения и возле журналистов, а у двери пристав уже минут десять пытался выяснить, считается ли метла Яги оружием, транспортным средством или хозяйственным инвентарём. Метлу в конце концов признали инвентарём и вернули хозяйке. Ступе повезло меньше: её оставили во дворе до окончания заседания. Яга хотела спросить, на каком основании, но увидела толщину лежавшего перед судьёй дела и решила поберечь силы. Сам подсудимый стоял за деревянной оградой и, судя по всему, чувствовал себя лучше всех.

За последние три месяца Яга встречала Денницу достаточно часто, чтобы давно оставить попытки запомнить его лицо. Она знала только, что для неё он всегда был очень красивым мужчиной средних лет — настолько красивым, что это раздражало отдельно, — и что через несколько минут после каждой встречи от его внешности не оставалось ничего. Ни цвета глаз, ни формы носа, ни линии рта. Оставалось лишь волнующее послевкусие, которое бесило ещё сильнее, потому что любого другого человека Яга могла через десять лет описать до родинки. Сегодня Денница опять был красив. Как именно, Яга уже не стала разбираться.

Остальные, похоже, тоже видели каждый своё, и именно поэтому заседание никак не могло начаться. Секретарь пытался внести в протокол приметы подсудимого и уже испортил третий лист. Белоснежка уверяла, что за оградой стоит восьмой гном, и время от времени пересчитывала своих семерых, словно подозревала подмену. Гномы были глубоко оскорблены самим предположением, что их может быть восемь, но договориться о том, кого именно они видят вместо восьмого, тоже не могли. Каждый описывал другого человека, и впервые за всё время их знакомства круговая порука дала трещину на таком пустяке, как чужой нос.

Рапунцель держала косу обеими руками и старалась сесть от подсудимого подальше. На вопрос Яги она шёпотом ответила, что там стоит пожилая женщина с ножницами, после чего ещё плотнее обмотала волосы вокруг локтей. Пиноккио видел старого мастера со стружкой в волосах и всё время трогал нос, проверяя, не происходит ли с ним чего-нибудь подозрительного. Робин Гуд с момента появления Денницы не сводил с него глаз и был абсолютно уверен, что перед ним шериф. Кот в сапогах, наоборот, оживился и сообщил ближайшей сороке, что человек явно богатый, хотя отсутствие кошелька вызывает вопросы. Кошей молчал дольше всех. Яга, заметив его выражение, всё-таки наклонилась через проход.

— Ты кого видишь?

Кошей медленно повернул к ней голову.

— Козла.

Яга посмотрела на Денницу, потом на Кошея и решила не уточнять, в каком именно смысле. Тихон сидел рядом и вообще не понимал, из-за чего поднялся шум. Он видел обычного человека, вернее, как потом выяснилось, запомнил от него только руки.

— Не рабочее, — сказал он Яге.

— А лицо?

Тихон посмотрел на подсудимого, нахмурился и пожал плечами.

— Есть вроде.

На этом Яга перестала расспрашивать окружающих. Денница тем временем переводил взгляд с одного свидетеля на другого и едва заметно улыбался. Ему нравилось происходящее. Не путаница сама по себе, а то, как быстро люди начинали спорить о собственной правоте, хотя все смотрели на одного и того же человека. Судья, видимо, пришёл к тому же выводу и наконец отказался от попыток установить внешность подсудимого.

— Имя?

— Денница.

— Полное имя?

— Насколько мне известно.

Судья поднял глаза от бумаг.

— Фамилия?

— Не обзавёлся.

— Отчество?

— Тоже.

— Место рождения?

Денница немного подумал, и Яга сразу насторожилась. Она уже знала эту паузу. Он делал её не тогда, когда не знал ответа, а когда выбирал, насколько сильно хочет испортить человеку настроение.

— Зависит от источника.

По залу прошёл смешок. Судья его переждал.

— Видовая принадлежность?

Теперь Денница улыбнулся заметнее.

— А что написала экспертиза?

Секретарь перестал шуршать бумагами. Обвинитель поджал губы. Судья нашёл нужный лист и прочитал его молча, отчего выражение его лица стало ещё тяжелее.

— Экспертиза не смогла установить вашу видовую принадлежность.

— Значит, мы с ней пришли к согласию.

— Вы трижды явились на освидетельствование в разном облике.

— Я трижды явился в одном.

Это вызвало новый шум, потому что половина зала немедленно начала доказывать другой половине, что он врёт. Белоснежка снова пересчитала гномов. Рапунцель подтянула косы. Робин Гуд что-то мрачно сказал соседу про шерифов. Сороки строчили сразу несколько взаимоисключающих описаний для завтрашнего выпуска. Денница смотрел на всё это с удовольствием человека, которому даже не пришлось ничего делать. Яга поймала его взгляд и показала кулак. Он чуть склонил голову. Судья постучал молотком по столу и потребовал тишины. Когда зал наконец успокоился, он перешёл к формальностям, которые Яга слушала вполуха. Её вообще интересовало только одно: чем закончится вся эта бодяга и сколько ещё дней Белолесье будет жить вокруг неё, забыв обо всём остальном. Денница успел перессорить половину жителей, вторую половину заставил сказать то, что они годами предпочитали не говорить, а теперь стоял перед судом с таким видом, будто происходящее было не бедой, а особенно удачной постановкой, на которую ему случайно досталось лучшее место. Потом судья спросил:

— Защитник подсудимого присутствует?

Яга подняла голову. Место рядом с Денницей было пустым. Судья просмотрел бумаги, секретарь полез в другую папку, обвинитель что-то быстро ему сказал. Нужного документа, судя по всему, не нашлось.

— У вас нет защитника?

— Есть, — ответил Денница.

Яга почему-то сразу почувствовала нехорошее. Судья тоже, кажется, что-то почувствовал, но отступать было поздно.

— Кто?

Денница повернул голову. Он посмотрел прямо на Ягу. И улыбнулся.

— Баба-яга.

Несколько мгновений в зале было совершенно тихо. Потом Тихон медленно отодвинулся от жены вместе со скамьёй. Яга встала.

— Чего?!

Сороки взлетели с подоконников одновременно. Денница продолжал улыбаться.

— Я сказал, моим защитником будет Баба-яга.

Яга обошла скамью. Пристав сделал шаг вперёд, посмотрел на неё, на метлу в её руке и передумал.

— Ты с какого перепугу это решил?

— Потому что ты согласишься.

Вот теперь Яга действительно пошла к нему. Тихон успел поймать её за край юбки.

— Пусти.

— Не пущу.

— Тихон.

— Потом спасибо скажешь.

Денница за оградой наблюдал за ними с таким неподдельным интересом, словно вопрос о его собственной судьбе внезапно стал второстепенным. Яга перестала вырываться и посмотрела на него.

— Я тебя защищать не буду.

— Будешь.

— С чего бы?

Он чуть приподнял бровь.

— Потому что дело не во мне.

Яга уже открыла рот, чтобы объяснить ему, где именно сейчас окажется его дело, но судья ударил молотком по столу.

— Тишина в зале!

На этот раз замолчали все. Даже сороки. А Денница всё ещё смотрел на Ягу. И улыбался.

За три месяца до этого

Глава 1. ОН

Через три месяца после того, как Яга впервые его увидела, она так и не смогла бы сказать, какого цвета у него были глаза. Но началось всё даже не с него. Началось с того, что в Белолесье впервые за много лет спорили о совершенно простой вещи: какой человек только что прошёл по дороге. Сорока, первой принёсшая новость, утверждала, что мужчина был высокий, темноволосый и очень прилично одетый. Она видела его возле колодца, разглядела прекрасно и готова была поклясться хоть собственным хвостом. Через несколько минут появилась вторая сорока и сообщила, что первая ослепла, потому что мужчина был светловолосый, не особенно высокий и никакой приличной одежды на нём не было. Третья заявила, что обе дуры и он вообще рыжий. К обеду спор вышел за пределы сорочьего семейства.

Фёдор-сапожник встретил незнакомца возле своей мастерской и описал его как широкоплечего мужчину лет сорока с короткими тёмными волосами. Кикимора видела примерно там же худого рыжего парня, которому едва ли было тридцать. Василиса Премудрая спокойно выслушала обоих и сказала, что мужчина был гораздо старше, с проседью, светлыми глазами и таким выражением лица, будто заранее знает, чем закончится разговор. Это задело Фёдора.

— Какая проседь? Я с ним рядом стоял.

— Значит, плохо стоял.

— Я сапожник. Я людей вижу.

— Ты ноги видишь.

— А ты, значит, сразу в душу?

Кикимора, которой спор нравился гораздо больше самого незнакомца, немедленно предложила сходить поискать его и проверить. На этом бы всё, вероятно, и закончилось, если бы незнакомец не продолжал попадаться жителям Белолесья в течение всего дня. Он нигде особенно не задерживался, ни к кому не просился, ничего не продавал и ничего не спрашивал. Его видели возле мельницы, потом у реки, затем на старой дороге. Он стоял у моста, смотрел,

как мужики меняют доску в настиле, разговаривал с пастухом и зачем-то долго наблюдал за тем, как муравьи тащат через тропинку сухую гусеницу. И каждый раз после него оставался новый человек. К вечеру в Белолесье насчитывалось уже не меньше девяти незнакомцев, хотя никто не видел двух одновременно. Яга узнала об этом последней.

Она весь день провела за домом, где Тихон собирался наконец заменить покосившийся навес. Навес обещали заменить ещё весной, потом летом, затем решили, что до осени простоит, и теперь, когда осень уже наступила, он действительно стоял — главным образом из упрямства. Яга держала лестницу и объясняла Тихону, что левый край выше правого. Тихон сверху отвечал, что так и задумано.

— Для чего?

— Вода стекать будет.

— Она и с ровного стекает.

— С этого лучше.

— Куда?

Тихон посмотрел вниз.

— Яга.

— Чего?

— Не мешай.

Яга обиделась и отпустила лестницу. Тихон молча вцепился в крышу.

— Вот теперь мешаю.

Именно в этот момент через калитку влетела сорока. Она села на столб, посмотрела сначала на Ягу, потом на Тихона, который всё ещё держался за край навеса, и решила не спрашивать.

— У нас мужик.

— Поздравляю.

— Чужой.

— Тогда не поздравляю.

— Никто не знает, кто такой.

— Спросите.

— Спрашивали.

Яга всё-таки взялась за лестницу. Тихон осторожно спустился, посмотрел на неё, потом на сороку и решил пока никуда больше не лезть.

— И чего сказал? — спросила Яга.

— Ничего.

— Немой?

— Разговаривает.

— Тогда что значит «ничего»?

Сорока раздражённо щёлкнула клювом.

— Вот сама сходи и поговори. С ним спросишь одно, а через минуту уже сама ему что-то объясняешь.

Это Ягу заинтересовало.

— Чего объясняешь?

— Не знаю.

— Хорошо поговорили.

— Очень.

Сорока улетела. Тихон проводил её взглядом и потянулся за молотком.

— Видел его? — спросила Яга.

— Кого?

— Мужика.

— Какого?

— Которого все видели.

Тихон подумал.

— Возле моста?

— Наверное.

— Видел.

Яга подождала.

— И?

— Чего?

— Какой он?

Тихон пожал плечами.

— Обычный.

— Тихон.

— Ну мужик.

— Высокий?

— Не заметил.

— Волосы какие?

Тихон снова задумался, и Яга увидела, что он действительно пытается вспомнить.

— Не знаю.

— Лицо?

— Нормальное.

— Очень содержательно.

Тихон взял доску, примерил её к навесу и добавил:

— Руки не рабочие.

Вот это он запомнил. Яга посмотрела на мужа и решила, что если весь день Белолесье обсуждает мужчину, от которого Тихону остались только руки, то ничего особенно интересного там быть не может. До вечера она так и думала. Потом пошла за грибами и встретила его сама. Он стоял у развилки старой дороги, где одна тропа уходила к реке, а вторая терялась между елями. Не делал ничего подозрительного — просто смотрел на старый указательный столб, надписи на котором стёрлись ещё задолго до Ягиного рождения. Яга увидела его издали и сразу поняла, что это тот самый. Не потому, что узнала по описаниям. Ни одно не подходило. Мужчина был красив. Очень.

Яга остановилась, сама на себя рассердившись за первую же мысль. Красивых мужчин она в жизни видела достаточно и давно перестала считать это обстоятельство сколько-нибудь существенным. Гвидон был красив. Святобор был красив так старательно, что иногда хотелось слегка его испортить. Соловей когда-то одним взглядом умел довести половину деревни до состояния, в котором женщины начинали поправлять волосы, а мужчины — искать повод дать ему по морде.

Этот был другим. Средних лет, спокойный, без показной важности и без малейшего желания понравиться. Яга успела заметить линию скул, глаза, волосы, рот и даже подумала, что Тихон действительно прав насчёт рук. Потом мужчина повернулся к ней.

— Далеко собралась? — спросил он.

Яга машинально посмотрела на корзину.

— За грибами.

— Зачем?

Вопрос был настолько глупый, что она сначала решила, будто ослышалась.

— Есть.

— Грибы?

— Нет, корзину. Конечно грибы.

Он кивнул, принимая ответ совершенно серьёзно. Яга пошла дальше, но через два шага остановилась.

— А ты чего тут стоишь?

— Жду.

— Кого?

— Пока не знаю.

— Хорошо устроился.

— А ты всегда знаешь заранее?

— Что?

— Кого ждёшь.

Яга открыла рот. И ничего не сказала.

Ничего особенно умного в вопросе не было. Даже наоборот. Нормальный человек на такое просто пожал бы плечами и пошёл дальше. Но почему-то в голове мгновенно возник Тихон на лестнице, Избушка, лес, несколько людей, которых она когда-то ждала, и несколько — которых совершенно точно не ждала, а они всё равно пришли.

Яга нахмурилась.

— Ты кто такой?

— А кого ты увидела?

— Тебя.

— Это не ответ.

— Это ты сейчас мне будешь рассказывать, что ответ, а что нет?

— Нет.

Он улыбнулся. Яга почувствовала, что разговор начинает идти куда-то не туда, хотя определить направление не могла.

— Имя у тебя есть?

Мужчина посмотрел на неё с лёгким любопытством.

— А тебе обязательно?

— Мне — нет. Но если собираешься шастать по Белолесью, люди всё равно как-нибудь назовут.

— Тогда зачем торопиться?

Яга прищурилась.

— Откуда пришёл?

— По дороге.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Вот тут Яга снова не нашла, что сказать. Это случилось с ней настолько редко, что несколько секунд она просто смотрела на него, подозревая какой-нибудь фокус. Мужчина смотрел в ответ спокойно, без вызова и без торжества. Словно ничего не произошло. И именно это разозлило сильнее всего.

— Слушай сюда. Я не знаю, кто ты, откуда взялся и зачем бродишь по нашему лесу. Пока ничего не ломаешь, никого не ешь и чужое не тащишь — ходи. Но если от тебя начнутся неприятности, разговаривать будем иначе.

— От меня?

— От тебя.

— А если рядом со мной?

Яга нахмурилась.

— Какая разница?

Мужчина посмотрел на неё чуть внимательнее.

— Большая.

Он сказал это без загадочности, без многозначительного голоса и без попытки произвести впечатление. Просто как человек, уточнивший очевидную вещь. Яга ещё секунду смотрела на него, потом решила, что грибы всё-таки полезнее.

— Стой дальше.

— Спасибо.

— Это не разрешение.

— А что?

Яга повернулась.

— Прощание.

Она ушла в лес, нашла три подберёзовика, один белый и целую семейку лисичек, после чего обнаружила, что думает не о грибах. Это окончательно испортило настроение. На обратном пути незнакомца у развилки уже не было. Яга поставила корзину возле столба и попыталась вспомнить его лицо. И не смогла. Она прекрасно помнила, что мужчина был красив. Помнила, как он смотрел, как стоял, даже его пальцы помнила. Но стоило попытаться собрать лицо целиком, как оно рассыпалось. Глаза были светлые. Или тёмные. Волосы — кажется, русые. Нет, темнее. Нос прямой. Наверное. Яга сердито потёрла лоб. Такого с ней не бывало. Она запоминала лица мгновенно. Могла через десять лет узнать человека, однажды зашедшего спросить дорогу, и вспомнить, что у него возле левого уха была родинка. А этого видела пять минут назад и уже не смогла бы описать. Зато прекрасно помнила ощущение. И вот оно было совершенно лишним. Тёплое, волнующее, почти физическое послевкусие от чужого мужчины, которое осталось после него гораздо отчётливее, чем лицо.

— Ещё чего, — пробормотала Яга, подхватила корзину и пошла домой.

Возле самой опушки она увидела его снова. Незнакомец шёл по дальней тропе между деревьями. Солнце уже опустилось низко, вытянув по земле длинные вечерние тени. Яга невольно задержала взгляд и сначала не поняла, что именно её остановило. Потом поняла. Тень от ели лежала почти поперёк тропы. Тень самого мужчины должна была тянуться рядом, длинная, вечерняя. Она была короткой. Настолько короткой, словно солнце стояло почти над головой. Яга остановилась. Незнакомец сделал ещё несколько шагов, прошёл между двумя соснами, и его тень вдруг вытянулась далеко вперёд, хотя направление света не изменилось. Он этого словно не замечал. Никто не замечал. Навстречу ему прошёл Фёдор, кивнул и продолжил путь. На ветке над дорогой сидела сорока, занятая собственным хвостом. Даже лес выглядел совершенно обычным. Яга смотрела одна. Незнакомец дошёл до поворота и исчез за деревьями. Тень исчезла вместе с ним. Яга ещё немного постояла на месте, потом посмотрела на собственную тень. Та лежала там, где ей полагалось.

— Ну-ну, — сказала Яга.

И пошла домой. Имени у незнакомца пока не было.

Глава 2. Симорон

Новость о запрете Симорона пришла в Белолесье через три дня после появления незнакомца и сначала никого особенно не взволновала. Принёс её почтовый ворон, тяжело опустившийся на перила Ягиного крыльца с казённым конвертом в клюве. Вороны относились к службе серьёзно, поэтому никаких «ты только не пугайся» и «там опять чего-то придумали» от него ждать не приходилось. Он молча протянул Яге дощечку, дождался подписи, перевернул её и указал клювом на вторую строку.

— Я уже расписалась.

— Там получение. Здесь подтверждение получения.

— А если я получила, но не подтверждаю?

Ворон впервые посмотрел на неё с интересом.

— Тогда считается, что не получили.

— А конверт?

— Получили.

Яга подумала и расписалась второй раз. Тихон как раз чинил у сарая тачку и подошёл посмотреть, что опять понадобилось от Белолесья внешнему миру. Несколько лет назад Яге уже приходилось представлять его перед комиссиями, когда одна из них заинтересовалась, на каком основании Избушка перемещается без регистрации транспортного средства, другая пыталась выяснить грузоподъёмность ступы, а третья требовала определить, относятся ли куриные ноги к элементам строения или к средствам самостоятельного передвижения. Тогда комиссии уехали, ничего толком не выяснив, и Яга считала вопрос закрытым. Печать на конверте была знакомая. Она вскрыла его ногтем и некоторое время читала молча.

— Ну? — спросил Тихон.

— Симорон запретили.

Тихон подождал.

— И?

— Всё.

— А что это?

Яга перевернула лист, нашла приложение и пробежала его глазами.

— Теперь уже, похоже, ничего.

Симороном в Белолесье почти никто не занимался. Яга смутно знала, что где-то люди для исполнения желаний разговаривают с предметами, придумывают нелепые ритуалы и особенно любят вешать красные трусы на люстру для привлечения денег. Последнее всегда казалось ей бессмысленным хотя бы потому, что если деньги действительно способны прийти на трусы, то к ним возникали вопросы. Запрещать это, однако, было ещё глупее.

— Вот, — сказала она Тихону. — Трусы на люстре.

Он заглянул через плечо.

— Правильно.

Яга повернула голову.

— Что правильно?

— Люстра для света.

— А ступа для толчения.

Тихон посмотрел во двор, где ступа стояла возле забора.

— Тоже верно.

— Я на ней летаю.

— Это другое.

— Почему?

Он задумался. Яга ткнула пальцем в бумагу.

— Вот и я о том же.

Письмо она прочитала ещё раз, уже медленнее. Запрещался не только сам Симорон. Ограничению подлежали «сходные практики», «аналогичные способы воздействия» и «иные действия, способные посредством символического или магического механизма повлечь изменение обстоятельств». Особенно Яге не понравились «иные». У этого слова не было ни формы, ни размера. В него можно было засунуть всё, что понадобится потом. Она положила письмо на стол и пошла заниматься своими делами. До обеда успела перебрать сушёные грибы, поругаться с Избушкой из-за рассыпанной возле крыльца земли и почти забыть про Симорон, когда во двор вошёл Фёдор-сапожник. В руках он держал собственный сапог.

— Ты у нас опять за главную?

— Нет.

— Тогда хорошо.

Фёдор развернулся.

— Стой. Чего пришёл?

Он вернулся и поставил сапог на стол.

— Заговор.

— Какой?

— От мозолей.

Яга посмотрела на сапог.

— У сапога?

— У меня. Я когда новую обувь отдаю, иногда говорю человеку, чтобы нога с сапогом дружила и кожа ногу не ела.

— И?

— Теперь нельзя.

— Кто сказал?

Фёдор достал из-за пазухи сложенный лист. Это был уже не запрет Симорона, а разъяснение для ремесленников. Яга прочитала его и обнаружила знакомое выражение: «сходные по механизму практики».

— Ты чего боишься? — спросила она. — Что тебя за дружбу ноги с сапогом посадят?

— Пока не боюсь. Я хочу понять, говорить дальше или молча шить.

— Молча ты не умеешь.

— Вот поэтому и пришёл.

Фёдор ушёл без ответа, потому что ответа у Яги не было. Через час пришла Кикимора. Она ничего не принесла, зато была очень злая. Ей велели сообщить о наличии магически активной среды обитания.

— Я и сообщила: болото.

— И?

— Спросили площадь.

— Ну так напиши.

— Какую?

Яга не сразу поняла вопрос.

— Болота.

— Моего?

— А оно не твоё?

— Сегодня моё. Весной разливается до берёз. Летом половина сохнет. Осенью опять моё.

Мне какую площадь писать — по июлю или по апрелю?

Яга потёрла переносицу.

— Среднюю.

— А если я на сухое выйду, я уже не Кикимора?

— Ты и на сухом Кикимора.

— Тогда зачем им болото?

Это был хороший вопрос. Кикимора ушла вслед за Фёдором, а к вечеру Василиса принесла форму учёта магических предметов. В форме предлагалось указать название предмета, происхождение, срок использования, характер магического воздействия и степень потенциальной опасности.

— У меня скатерть, — сказала Василиса.

— Самобранка?

— Иногда.

— Это как?

— Когда гости хорошие.

Яга подняла глаза.

— А когда плохие?

— Обычная скатерть.

— И что писать?

— Я поэтому к тебе и пришла.

Они некоторое время смотрели друг на друга. Яга взяла перо. В графе «характер магического воздействия» написала: «зависит от гостей». Василиса прочитала, одобрительно кивнула и ушла.

После неё появился мужик с молодой яблоней. Потом женщина, у которой вода в колодце иногда показывала женихов, но только незамужним и почему-то исключительно по четвергам. Потом прибежала сорока с вопросом, считается ли распространение заранее неизвестных сведений прорицанием, если сведения впоследствии оказываются правдой.

Яга выгнала сороку. Та вернулась через окно.

К вечеру на кухонном столе лежали сапог, форма Василисы, уведомление Кикиморы, описание колодца, два казённых разъяснения и собственное заявление Фёдора, в котором он предусмотрительно сообщал, что никаких магических услуг населению не оказывает, а если людям в его обуви становится легче ходить, то это качество работы.

Тихон пришёл ужинать, посмотрел на стол и переставил миски на лавку.

— А здесь теперь нельзя?

— Здесь теперь государство.

Он не стал уточнять. Яга же только теперь села и разложила всё перед собой. Сначала был Симорон.

Потом оказалось, что запрещать только Симорон неудобно, потому что нужно объяснить, чем он отличается от других способов воздействовать на действительность. Для этого придумали «сходные практики». Под них попал Фёдоров заговор. Потом понадобилось определить, где практика, а где просто магия. Появилась «магически активная среда», и в неё угодило Кикиморино болото. Следом возникли предметы, потому что магия могла находиться не только в человеке и не только в месте. Теперь Василиса должна была доказывать, почему её скатерть иногда кормит людей сама. Каждый следующий шаг был логичен. Вот это Яге и не понравилось больше всего. Если бы где-нибудь сидел один законченный дурак и сочинял всё это от начала до конца, его можно было бы найти и объяснить. Но здесь никто не делал ничего особенно безумного. Каждый всего лишь уточнял предыдущую формулировку. Закрывал дырку. Добавлял определение. Расширял правило ровно настолько, чтобы оно охватило то, что вчера в него не помещалось. Яга снова взяла первый лист. Труссы на люстре выглядели теперь почти невинно.

— Тихон.

— Мм?

— Метлу принеси.

Он посмотрел на неё.

— Зачем?

— Принеси.

Тихон вышел и через минуту вернулся с метлой. Яга положила её поперёк стола рядом с сапогом.

— Это что?

— Метла.

— Для чего?

— Мести.

— А ещё?

Тихон понял.

— Летать.

Яга нашла в разъяснении нужную строку и прочитала вслух:

— «Использование предметов бытового назначения для осуществления действий, не предусмотренных их хозяйственной функцией».

Тихон сел напротив. Они посмотрели на метлу.

— Начали с трусов на люстре, — сказала Яга. — Доберутся до метлы.

На этот раз Тихон не предложил её спрятать. Избушка переступила с ноги на ногу. Яга слышала скрип, посмотрела наружу и уже почти машинально подумала, что с ней будет ещё веселее. Дом, который ходит. Ступа, которая летает. Кот, который разговаривает. Кикимора, которую невозможно отделить от болота. Кощей, про которого вообще лучше ничего не спрашивать, если не хочешь получить отдельную комиссию. Сегодня спрашивали о том, что они делают. Яга посмотрела на слово «сходные». Потом на «иные». А если однажды этого окажется мало, спросят, кто они такие. Мысль была неприятная, и Яга не стала от неё отмахиваться.

Наутро почтовый ворон принёс новый конверт. На этот раз на нём не было её имени. Значилось: «Уполномоченному представителю территории Белолесье по вопросам взаимодействия».

— Нет у нас такого, — сказала Яга.

Ворон сверился с дощечкой.

— Есть.

— Кто?

Он посмотрел на неё.

— Я?!

Ворон показал старую запись. Несколько лет назад, когда Яга ездила разбираться с комиссией из-за Избушки, её внесли в документы как представителя Белолесья. Временного срока рядом не стояло.

— Я один раз туда съездила.

— Зафиксировано представительство.

— Меня кто назначил?

— Белолесье.

— Когда?

Ворон перевернул дощечку и показал подписи. Яга узнала половину. Вторую половину, судя по почерку, поставили сороки.

— А прекратить это как?

Ворон немного полистал бумаги.

— Через представителя.

Яга закрыла глаза. Потом забрала конверт. К полудню у крыльца уже ждали Фёдор и Кикимора. Василиса пришла со своей формой и ещё двумя чужими. За ней стояла женщина с колотцем. Сорока сидела на крыше и всем сообщала, что очередь надо занимать заранее, хотя никто её об этом не просил. Яга вышла на крыльцо.

— Так. Хватит.

Все замолчали. Она вынесла из дома стол. Тихон молча помог поставить его под навесом. Яга принесла чернильницу, стопку чистой бумаги, все полученные разъяснения и положила рядом метлу.

— Зачем метла? — спросила Кикимора.

— Для понимания.

Яга села.

— Теперь по одному. Фёдор — первый, потому что пришёл раньше. Кикимора, болото пока не меряй. Василиса, собери все формы, какие у кого есть, чтобы я видела, сколько они уже напридумывали. Сорока!

— Я здесь.

— Облетишь Белолесье. Скажешь: если кому пришла бумага по магии, ничего самим не заполнять. Несут сюда.

Сорока расправила крылья.

— А сказать, что по распоряжению уполномоченного представителя?

Яга медленно посмотрела на неё.

— Скажешь — ощипаю.

Сорока улетела. Тихон поставил рядом с Ягой кружку и задержался возле стола.

— Ты же вчера говорила, что не представитель.

— Вчера я думала, что они запрещают трусы.

Она открыла первую чистую страницу и написала сверху: «Белолесье». Подумала и ниже добавила: «Учёт». Потому что прежде чем спорить с чужими правилами, следовало понять, куда именно они ползут. Фёдор сел напротив и положил на стол сапог.

— Ну?

Яга обмакнула перо в чернила.

— Рассказывай про мозоли.

К вечеру у неё было семнадцать дел. И впервые — ни одного случайного.

Глава 3. Первые

Первым прилетел Конёк-Горбунок. Яга как раз разбирала на крыльце бумаги, успевшие скопиться за последние дни, когда над лесом что-то коротко свистнуло. Звук был знакомый, но слишком быстрый, чтобы сразу понять откуда, а через мгновение из-за елей вылетел Конёк, пронёсся над огородом и приземлился на поляне так, что с яблони посыпались листья. Не один. За ним на землю начали спускаться те, кого Яга до этого видела разве что по отдельности и при совсем других обстоятельствах. Первой она узнала Лихо Одноглазое. Следом появились Кот Баюн и Шиш московский, а дальше Яга перестала считать: Конёк, оказывается, умудрился притащить на себе столько народу, что разобраться, кто сидел где и каким образом всё это вообще держалось в воздухе, было невозможно. Тихон вышел из сарая, вытер руки о штаны и некоторое время смотрел на происходящее.

— Чего это?

— Пока не знаю.

— А они знают?

— Сейчас узнаем.

Конёк тяжело дышал, но выглядел чрезвычайно довольным собой. Яга знала эту его физиономию: так он смотрел всякий раз, когда сделал что-нибудь невозможное и теперь ждал, пока остальные это оценят.

— Откуда? — спросила она.

— Из-за тридцати земель.

— Я не расстояние спрашиваю.

Конёк назвал несколько мест. Некоторые Яга знала, некоторые слышала впервые. Общим у них оказалось одно: новые распоряжения добрались туда раньше, чем до Белолесья. За последние дни запрет успел сделать именно то, чего Яга опасалась. Сначала людям велели не пользоваться определёнными практиками. Потом — регистрировать способности. Потом оказалось, что некоторые способности невозможно положить на полку и не трогать до лучших времён, потому что они не лежали отдельно от владельца. Лихо, например, невозможно было попросить временно не быть Лихом. Кот Баюн мог молчать, но котом от этого быть не переставал. А Шиш московский на вопрос о том, чем именно он опасен, ответил так долго и убедительно, что через пять минут Яга забыла, зачем спрашивала. Она посмотрела на Конька.

— Ты их вывез?

— Вывез.

— Всех?

— Этих пока.

— Что значит «пока»?

Конёк покосился в сторону леса.

— Там ещё остались.

Яга не стала спрашивать сколько. Судя по тому, как он отвёл глаза, ответ ей не понравился бы.

— Через какой переход шли?

— Не шли.

— Хорошо. Через какой летели?

— Ни через какой.

Яга медленно отложила бумаги.

— Конёк.

— Чего?

— Как вы сюда попали?

- Через тридевять земель.
- Это я уже слышала. Границу где пересекли?
- Нигде.
- А сейчас вы где?
- В Белолесье.
- А до этого были где?
- Он снова назвал одно из мест.
- Значит, границу пересекли.
- Нет.

Яга посмотрела на него. Конёк посмотрел на неё. Тихон прислонился плечом к столбу крыльца. Он уже понял, что работа по сараю откладывается.

— Объясняй, — сказала Яга.

Конёк объяснил.

Через несколько минут выяснилось, что его «через тридевять земель» было не красивым выражением. Он действительно скакал через пространство так, что обычная дорога между точками для него временами просто отсутствовала. Там, где прочим полагались тракт, пограничный столб, пропускной пункт и таможня, у Конька были один хороший разбег, скачок — и уже другое место. Яга слушала всё мрачнее.

- То есть таможню ты не проходил.
- Нет.
- Пограничников не видел.
- Нет.
- Границу не пересекал.
- Нет.
- Но из-за границы прибыл.
- Да.
- С людьми.
- Да.
- Которые тоже границу не пересекали.
- Да.

Конёк просиял: наконец-то поняла. Яга встала и ушла в дом. За последние дни она успела получить достаточно разъяснений, чтобы знать: в правилах предусматривалось законное пересечение границы, незаконное пересечение границы и несколько особых случаев, каждый из которых всё равно предполагал наличие самой границы. Варианта «прибыл из другого государства, физически не пересекая границы» не было. Она вернулась с папкой, села за стол и раскрыла форму. Кот Баюн запрыгнул на лавку. Лихо встало рядом. Шиш каким-то образом уже оказался по другую сторону стола, хотя Яга не заметила, когда он туда прошёл.

— Так, — сказала она. — Никто никуда не расходится. Сначала поймём, существуете вы здесь законно или нет.

— А если нет? — поинтересовался Баюн.

Яга подняла глаза.

— Тогда будем выяснять, как вы умудрились незаконно сделать то, чего вообще не делали.

Баюн подумал и улёгся на лавке. С Коньком дело оказалось хуже всего. По документам именно он осуществил перемещение группы лиц через государственные территории в обход установленных пунктов контроля. Сам Конёк настаивал, что ничего не обходил, поскольку для того, чтобы что-то обойти, надо сначала к этому приблизиться. Яга попыталась спорить и довольно быстро обнаружила, что с точки зрения пространства он прав. С точки зрения закона — неизвестно. Она взяла чистый лист и написала запрос: «Прошу разъяснить порядок реги-

страции лица, прибывшего из-за пределов территории без фактического пересечения государственной границы». Перечитала. Добавила: «Посредством скачка через тридевять земель». Снова перечитала. Последнюю строчку зачеркнула. Пусть сами мучаются. Но ждать ответа было нельзя. Люди уже находились здесь, и само отсутствие подходящей графы не делало их менее настоящими. Поэтому Яга достала стопку анкет и начала оформлять первых. На Лихе Одноглазом работа остановилась. Для регистрации требовалась фотография.

— Садись, — сказала Яга.

Лихо село на табурет возле стены. Фотографический аппарат нашёлся у Василисы. Она принесла его сама и осталась посмотреть, потому что фотографировать воплощение Рока для официального документа ей ещё не приходилось. Яга навела объектив.

— Прямо смотри.

— Я и смотрю.

— Головой не верти.

— Не верчу.

Яга нажала кнопку. Внутри аппарата что-то хрустнуло. Она опустила его.

— Что ты сделало?

— Ничего.

Яга открыла крышку. Механизм заклинило. Василиса сходила за другим аппаратом. На второй попытке вспышка сработала, но вместо снимка из щели вылезла совершенно чёрная карточка.

— Бывает, — сказала Василиса.

— Два раза?

— Реже.

Третий аппарат одолжили у сорок. Те долго не хотели давать его бесплатно, но согласились, когда Яга пригрозила вписать в официальный запрос, что местные средства массовой информации препятствуют оформлению беженцев. Слов «средства массовой информации» сороки ещё не знали, но звучало солидно. Третий аппарат треснул пополам. Лихо сидело на табурете, сложив руки на коленях, и выглядело виноватым.

— Я предупреждало.

Яга молча взяла его анкету. В графе, предназначенной для фотографии, написала: «Фотографированию не поддаётся». Василиса заглянула через плечо.

— Примут?

— А у них есть предложение лучше?

Предложения пока не было. К вечеру стало ясно, что оформление — самая маленькая из проблем. Прибывших надо было где-то разместить хотя бы на ночь. Яга не стала устраивать из этого всебелолесское дело: до утра вполне хватало старой поляны за ручьём, где летом ставили навесы во время праздников. Тихон с несколькими мужиками проверил настилы и подтянул верёвки, Василиса принесла одеяла, Кикимора без лишних разговоров поставила котёл. Белолесье не принимало решения стать убежищем. Просто наступал вечер, а пришедшим некуда было идти. Свет начал уходить быстро. Осень уже забирала день раньше, чем хотелось, и под деревьями стало совсем темно. Кто-то принёс фонари, но их не хватало даже на тропу от ручья. А потом над лесом снова разлилось золотое сияние. На этот раз Конёк вернулся вместе с Жар-птицей. Она опустилась на краю поляны, сложила крылья, и вокруг сразу стало светлее. Не как днём — мягче. Золотистый свет лёг на стволы, на мокрую траву, на крыши навесов, а вместе с ним пришло тепло. Люди невольно отодвинулись. Жар-птица это заметила. Она осталась стоять там, где опустилась.

Яга тоже заметила. Как и то, что через несколько минут холод оказался убедительнее осторожности. Сначала ближе придвинулись дети. Потом взрослые начали протягивать к теплу руки. Кто-то принёс мокрую одежду и развесил неподалёку. Кикимора передвинула котёл

поближе и совершенно буднично потребовала не шевелить крылом, потому что у неё туда дым идёт. Жар-птица послушалась. К ночи первый лагерь был освещён ею почти целиком. Белолесцы приносили еду, солому, старые одеяла и всё необходимое, но возле Жар-птицы по-прежнему оставляли чуть больше свободного места, чем возле остальных. Благодарили за свет, грели руки — и всё-таки следили за каждым движением её крыльев. Яга не вмешивалась. Ей самой было трудно забыть, что существо, возле которого сейчас сушились детские носки, при желании могло превратить половину поляны в пепел. На столе перед ней лежали первые оформленные дела. Лихо Одноглазое — без фотографии. Кот Баюн. Шиш московский. Ещё несколько славянских беглецов, которые пока оставались для неё именами в анкетах и людьми под навесами, а не новыми героями чужой истории. Отдельно лежал запрос о пересечении непересечённой границы.

Конёк-Горбунок уже спал возле дерева, вытянув ноги после нескольких перелётов. Яга посмотрела на него, потом на освещённую Жар-птицей поляну. Ещё неделю назад всё началось с запрета людям вешать трусы на люстру. Теперь перед её домом лежала папка с делами тех, кому пришлось оставить свой дом, потому что запрет перестал интересоваться тем, что они делают, и начал интересоваться тем, кто они такие. Яга закрыла папку. На завтра у неё было два дела: дождаться ответа о границе и выяснить, сколько ещё народу собирается привезти Конёк. Судя по тому, как крепко он спал, второе лучше было выяснить утром.

Глава 4. Денница

Имя у незнакомца появилось само. В Белолесье такое случалось. Человека могли годами звать не так, как его когда-то записали родители, а так, как однажды назвал сосед, перепутав имя, профессию или обстоятельства знакомства. Если прозвище оказывалось удобнее настоящего имени, настоящее постепенно становилось никому не нужным. С незнакомцем всё было ещё проще: настоящего имени никто не знал. Поначалу это никому особенно не мешало. Фёдор-сапожник называл его Пришлым, Кикимора — Красавчиком, причём по её описанию он был темноволосым, носатым и совершенно не похожим на мужчину, которого видела Яга. Сороки несколько дней пользовались выражением «неустановленное лицо», потому что оно придавало их сообщениям вес. Тихон называл его просто мужиком.

Яга — «этим». Её до сих пор раздражало, что она не может вспомнить его лицо. Сам факт встречи помнился прекрасно. Она могла восстановить дорогу, старый перекрёсток, собственную корзину, его голос и даже то неприятное мгновение, когда поняла, что мужчина ей нравится. Не просто красив — красивых она за свою жизнь насмотрелась достаточно, — а именно нравится. Было в нём что-то спокойное, взрослое, совершенно уверенное в себе, и от этой уверенности Яге хотелось то ли задержаться рядом, то ли немедленно уйти. Она помнила всё, кроме главного.

Стоило попытаться представить его лицо целиком, память начинала юлить. Глаза вроде были светлыми. Или тёмными. Скулы определённо резкие — хотя через секунду Яга уже не могла понять, откуда это взяла. Оставалось только совершенно ясное ощущение: красивый, зараза. Для Яги, помнившей людей спустя двадцать лет по родинке на шее, это было почти личным оскорблением. Белолесье тем временем пыталось разобраться без неё. С появлением лагеря у костра каждый вечер собиралось народу больше обычного. Приходили свои, сидели прибывшие, Конёк-Горбунок отсыпался между рейсами, Кот Баюн выбирал место потеплее, Шиш московский то появлялся, то куда-то исчезал, хотя никто не видел, чтобы он вставал.

Жар-птица держалась на краю поляны и давала столько света, что первые несколько вечеров фонари вообще не зажигали.

Незнакомец тоже приходил. Именно там однажды выяснилось, что никто не знает, как его называть. Началось с того, что одна из сорок решила наконец составить его описание. Затея быстро провалилась. Фёдор видел мужчину примерно своих лет, только выше. Кикимора утверждала, что он старше. Кто-то из лагеря запомнил длинные волосы, кто-то короткие. Сошлись было на цвете глаз, но через минуту выяснилось, что сошлись на двух разных цветах. Самого незнакомца в тот вечер возле костра ещё не было, поэтому спорили свободно. Яга слушала вполуха, пока не заметила, что Жар-птица смотрит в сторону леса. Между деревьями стоял он. Яга не видела, когда появился. Солнце уже ушло, но небо над верхушками ещё оставалось светлым. Золотое сияние Жар-птицы заливало поляну, доставало до крайних деревьев, ложилось на траву и лица. А возле незнакомца будто заканчивалось. Не гасло. Не отступало. Просто не могло сделать его светлее. Жар-птица расправила крылья. Поляна вспыхнула золотом. На котле блеснули заклёпки, на мокрой траве загорелись капли, даже дальняя тропа стала видна между кустами. Незнакомец остался тёмной фигурой на границе света.

— Денница какая-то, — пробормотал кто-то возле костра.

Яга повернула голову.

— Чего?

Ответил уже другой голос:

— Да вон. Ни день ещё, ни ночь уже. Стоит между.

Кто сказал первым, выяснить не удалось. Зато сороки услышали. Утром одна из них сообщила Фёдору, что «Денницу видели возле старой мельницы». К обеду Кикимора спросила, не заходил ли Денница к Яге. На следующий день Тихон, которому вообще было всё равно, как зовут незнакомца, сказал за завтраком:

— Денница вчера возле кузницы крутился.

Яга отложила ложку.

— И ты туда же?

— Куда?

— Почему Денница?

Тихон пожал плечами.

— Так все зовут.

Вот так обычно всё и происходило. Белолесье сначала придумывает, потом привыкает, а через неделю готово поклясться, что так было всегда. Яга поймала незнакомца у колодца. Он стоял, опершись ладонью о старое дерево сруба, и слушал Фёдора. Сапожник в последнее время ходил мрачный: после запрета он перестал говорить над готовой обувью привычные слова на лёгкую дорогу и теперь жаловался, что сапоги выходят правильные, а отдавать их неприятно. Яга подошла как раз в тот момент, когда Фёдор объяснял, что раньше всегда желал человеку ходить легко и без мозолей, а теперь не знает, считается ли это заговором. Незнакомец спросил, для кого он это говорил — для сапога или для того, кто его наденет. Фёдор задумался.

— Для человека, конечно.

— Тогда при чём тут сапог?

И пошёл своей дорогой. Яга проводила его глазами, потом посмотрела на Фёдора. Тот всё ещё стоял возле колодца.

— Чего задумался?

— Да так.

На следующий день Фёдор принёс ей заявление.

Яга уже знала его заявления и приготовилась к худшему, но на этот раз текст занимал половину страницы. Фёдор официально уведомлял, что продолжает желать своим заказчикам лёгкой дороги и здоровых ног, поскольку добрые пожелания в перечне запрещённых магиче-

ских практик не значатся. Если же уполномоченный орган считает иначе, Фёдор просил указать нормативный акт, запрещающий ему желать людям добра. Яга прочитала дважды.

— Сам?

— Сам.

— Никто не подсказал?

— Нет.

— Денница?

Фёдор посмотрел на неё с недоумением.

— Он вообще ничего не сказал.

— Ты вчера с ним разговаривал.

— Ну.

— И после этого написал.

— После этого подумал.

Вот эта разница Яге не понравилась. Она положила заявление отдельно. В тот же день Денница встретился с двумя соседями, которые несколько лет не разговаривали из-за межи. Спор начался так давно, что первоначальная причина успела потеряться, а вражда осталась. Каждый был уверен, что второй отхватил у него полтора аршина земли. Межевой кол стоял криво, потому что за годы его несколько раз переставляли то ночью, то рано утром, и обе стороны делали вид, что он всегда там и стоял.

Вечером Яга увидела одного из соседей с лопатой. Он выдернул кол. Постоял. Отмерил полтора аршина в сторону собственного огорода и вбил снова. Наутро второй пришёл посмотреть, долго ходил вокруг, потом принёс бутылку. К обеду они разговаривали. Белолесье заметило это раньше Яги. К вечеру сороки уже знали, что накануне один из соседей встречался с Денницей. Яга пошла разбираться. Мужик встретил её спокойно. Межу он переставил сам. Никто не заставлял, не просил и даже не советовал.

— А он что сказал?

— Кто?

— Не прикидывайся. Денница.

Мужик почесал затылок.

— Спросил, давно ли ругаемся.

— И?

— Я сказал — лет двенадцать.

— Дальше?

— Спросил, сколько земли.

— И?

— Я показал.

— И?

— Он спросил, чего я на ней выращиваю.

Яга посмотрела на полосу земли. Там росла крапива.

— И всё?

— Всё.

— А про кол?

— Ни слова.

— Про соседа?

— Нет.

— Переставить предлагал?

Мужик даже обиделся.

— Я сам переставил.

Яга ушла ещё более недовольная, чем пришла. Два случая ничего не доказывали. Но двух случаев уже хватало, чтобы начать смотреть внимательнее. Денница между тем вёл себя так, будто никакого отношения к происходящему не имел. Он появлялся то у колодца, то возле лагеря, то на дороге, разговаривал с людьми и исчезал раньше, чем Яга успевала решить, надо ли опять его допрашивать. Самым неприятным было отсутствие общего результата. После Фёдора получилось хорошо. После истории с межой — тоже. Но однажды Яга увидела женщину, которая шла через деревню с узлом вещей. Та много лет жила со взрослой дочерью и бесконечно жаловалась, что дочь ею командует, не даёт ничего решать самой и вообще считает старухой раньше времени. Теперь женщина сообщила соседкам, что перебирается в собственную пустующую избу на другом конце Белолесья. Оказалось, утром она разговаривала с Денницей. Он спросил, кто держит её в дочернем доме. Женщина ответила, что никто. И к обеду собрала вещи. Дочь была в ярости. Мать — счастлива. Яга не могла решить, считать это хорошим результатом или плохим. Именно тогда она впервые подумала, что дело, возможно, вообще не в результате. Она стала следить за Денницей внимательнее.

Не ходила за ним по пятам — ещё не хватало, — но спрашивала тех, кто с ним разговаривал. В рассказах повторялось одно и то же. Он почти никогда не давал советов. Не убеждал. Не рассказывал, как правильно. Чаще всего задавал вопрос, иногда уточнял чужую фразу, изредка говорил что-нибудь настолько очевидное, что Яга не понимала, зачем это вообще произносить. А потом человек делал то, что, похоже, давно собирался сделать. Или давно хотел. Или давно боялся себе признаться, что хочет. Это уже было интереснее. Яга нашла Денницу вечером у первого лагеря. Там было тепло. Жар-птица освещала поляну, над котлом Кикиморы поднимался пар, Конёк дремал возле навеса. Кот Баюн лежал у огня, свернувшись огромным пушистым клубком, и, судя по приоткрытым глазам, не спал. Денница сидел на поваленном бревне чуть в стороне. Яга подошла и села рядом.

— Тебя Денницей называют.

— Я слышал.

— Это твоё имя?

— Нет.

Ответ оказался настолько простым, что Яга даже не сразу нашлась.

— А как тебя зовут?

— По-разному.

— Я не спрашиваю, как тебя зовут другие.

— А это разве не то, что ты сейчас сделала?

Яга повернулась к нему.

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я.

— Да.

— И?

— Что?

Ей захотелось столкнуть его с бревна.

— Почему не поправляешь?

Он посмотрел на костёр.

— А зачем?

— Потому что тебя зовут не так.

— Тебе мешает?

— Мне мешает всё, чего я не понимаю.

— Тогда у тебя тяжёлая жизнь.

Яга усмехнулась против воли.

— Не жалуюсь.

Несколько мгновений они сидели молча. В золотом свете Жар-птицы его лицо снова казалось совершенно ясным. Яга даже подумала, что теперь-то запомнит. Вот сейчас посмотрит внимательно и потом сможет воспроизвести каждую черту. Через минуту она уже не была уверена, какой формы у него нос. Это разозлило её снова.

— Что ты делаешь с людьми?

— Разговариваю.

— После твоих разговоров они начинают делать то, чего годами не делали.

— Значит, собирались долго.

— Фёдор написал заявление.

— Я знаю.

— Сосед переставил межу.

— Видел.

— Женщина ушла от дочери.

— Тоже видел.

— Ты их к этому подтолкнул?

Денница подумал.

— Иногда я задаю удачный вопрос.

— Не скромничай.

— Я и не начинал.

— Ты понимаешь, что делаешь?

На этот раз он не ответил сразу.

— Обычно.

Яга повернулась к нему всем корпусом.

— Обычно?

— Иногда люди удивляют.

Вот теперь ей окончательно перестало нравиться направление разговора.

— То есть ты специально ищешь, куда ткнуть?

— Иногда.

— Зачем?

Он посмотрел на неё.

— Интересно.

Ни добра, ни мудрости, ни попытки сделать людей лучше в этом ответе не было. И почему-то именно поэтому Яга ему поверила.

— А если после твоего интереса кто-нибудь натворит бед?

— Тогда он натворит бед.

— А ты ни при чём?

— Я этого не сказал.

Ответ был спокойным. Не оправдание. Не признание. Просто ответ. Яга уже открыла рот, но с другой стороны костра тихо произнесли:

— Не колдует.

Это был Баюн. Он лежал на прежнем месте, но теперь смотрел прямо на Денницу. Яга поднялась и подошла ближе.

— Ты откуда знаешь?

Баюн не сводил взгляда с незнакомца.

— Знаю.

С этим спорить было трудно. Кот Баюн знал о воздействии на чужую волю больше, чем кто-либо из тех, кого Яге доводилось встречать. Его голос мог усыпить, заставить слушать, провести человека туда, куда тот сам идти не собирался. Рядом с Баюном свобода воли вообще становилась понятием довольно условным.

— Тогда что он делает?

Баюн молчал долго. Жар-птица чуть шевельнула крылом, и золотой свет прошёл по поляне. Яга заметила, что возле Денницы он опять словно не задержался. Баюн наконец посмотрел на неё.

— Я умею усыпить волю. Он — нет.

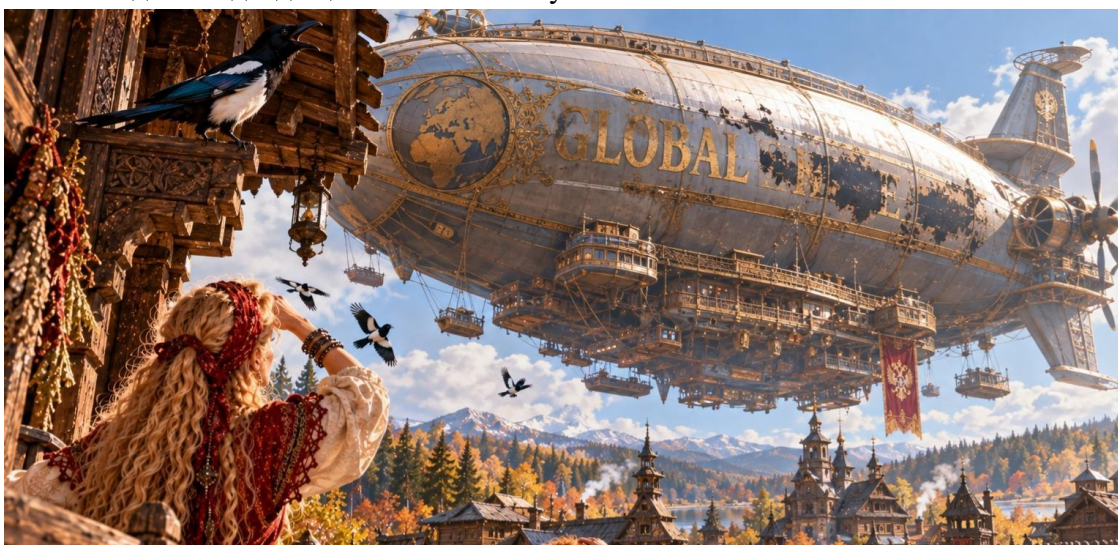
Кот перевёл взгляд обратно на Денницу.

— Он её будит.

Яга ничего не ответила. Потому что наконец услышала объяснение, которое подходило ко всему сразу. И от этого стало не спокойнее.

Глава 5. Дирижабль

Дирижабль появился над Белолесьем утром и сразу закрыл половину неба. Сначала его заметили сороки. Они подняли такой крик, что Яга выбежала из дома, решив, что Конёк опять привёз кого-нибудь через границу, не пересекая её. Но Конёк-Горбунук спокойно спал возле сарая, а над дальним лесом медленно выплывало нечто огромное, серебристое и совершенно неуместное. Белолесье привыкло к летающим предметам. Здесь никого нельзя было удивить ступой. Ковёр-самолёт вызывал интерес только в дождь, потому что всем было любопытно, как его потом сушат. Жар-птица летала вообще без транспортного средства, а после Конька-Горбунка Яга перестала считать само наличие дороги обязательным условием путешествия. Но дирижабль был другого порядка. Он не летел. Он прибывал. Медленно, величественно и с таким видом, будто не Белолесье должно было решать, где ему сесть, а Белолесью следовало срочно освободить подходящее место. На боку

золотыми буквами было написано что-то длинное. Часть надписи успели закрасить, часть отвалилась вместе с краской, но слово «GLOBAL» ещё держалось.

— Чей? — спросил Тихон.

Яга прищурилась.

— Богатый.

— Это я вижу.

Избушка вышла из-под деревьев, задрала крышу и тоже посмотрела вверх.

— Даже не думай, — сказала ей Яга.

Избушка переступила ногами. Дирижабль прошёл над лагерем. Жар-птица подняла голову. Лихо Одноглазое вышло из-под навеса. Кот Баюн лениво приоткрыл один глаз, оценил размеры происходящего и открыл второй. Шиш московский сказал:

— О.

Это было самое определённое высказывание о нём за всё время пребывания Шиша в Белолесье. Снизу свесились канаты. Один упал прямо на крышу Фёдоровой мастерской.

— Эй!

Второй снёс бельевую верёвку. Третий лёг поперёк дороги. Белолесье начало понимать, что величественное прибытие требует некоторой доработки. Через четверть часа дирижабль удалось привязать к трём дубам, мельничному столбу и чему-то, что Тихон категорически отказался считать надёжным, поэтому отвязал и перевязал сам. Из корпуса опустилась лестница.

Все ждали. Первым сошёл кот. Не Баюн. Этот был в высоких сапогах, шляпе с пером и коротком дорогом плаще, сидевшем на нём с такой безупречностью, будто он спускался не с потрёпанного дирижабля в белолесскую грязь, а входил в зал, где его давно ожидали. Кот остановился на последней ступеньке, посмотрел вниз. Потом на сапоги. Потом снова вниз.

— Доску.

Тихон даже не пошевелился.

— Чего?

— Доску, пожалуйста.

— Зачем?

Кот указал взглядом на грязь.

— У меня сапоги.

— Вижу.

— Хорошие.

— Тоже вижу.

На этом переговоры зашли в тупик. Кот некоторое время изучал Тихона, потом неожиданно улыбнулся.

— А вы практичный человек.

— Угу.

— Такие люди всегда нужны.

— Доски не дам.

Кот вздохнул и сошёл в грязь. За ним на лестнице появился КолобЭк. Яга узнала его сразу. Его трудно было не узнать даже после ПанамЭрики. Жёлтые волосы по-прежнему лежали так, будто каждое утро проходили отдельную процедуру согласования. Лицо оставалось круглым, ухоженным и уверенным в собственной значительности. Красный галстук исчез. Вместо него на КолобЭке была рубаша с вышитым воротом, явно новая и явно купленная человеком, который очень приблизительно представлял, как выглядит возвращение к славянским корням. Сверху он накинул дорогой дорожный плащ. Получилось так, будто международный магнат приехал открывать ярмарку мёда. КолобЭк остановился на лестнице и широко развёл руки.

— Белолесье!

Белолесье промолчало. Фёдор всё ещё снимал канат с крыши мастерской.

— Родная земля! — продолжил КолобЭк.

Кикимора повернулась к Яге.

— Он отсюда?

— Сейчас узнаем.

КолобЭк сошёл на землю. Кот в сапогах немедленно оказался рядом и что-то тихо ему сказал. КолобЭк кивнул.

— Друзья!

— Уже лучше, — пробормотала Яга.

Он увидел её и расплылся в улыбке.

— Баба-яга!

— Пока да.

— Как я рад!

— Чему?

КолобЭк на мгновение сбился, но быстро восстановился.

— Возвращению.

— Чьему?

— Моему.

Яга посмотрела на дирижабль.

— А.

Она обошла его взглядом ещё раз.

— Насовсем?

— Я предпочитаю формулировку «новый этап».

— Насовсем, значит.

Кот в сапогах кашлянул. КолобЭк не обратил внимания. К этому времени вокруг уже собралась половина Белолесья. Вторая половина делала вид, что занята, но стояла достаточно близко, чтобы всё слышать.

— Мало кто знает, — начал КолобЭк, — что мои корни именно здесь.

— Я не знаю, — сказала Яга.

— Вот.

— Чего «вот»?

— Мало кто знает.

Кикимора хмыкнула. КолобЭк выдержал паузу.

— Мои предки жили в этих местах.

— Какие? — спросил Фёдор.

— Предки.

— Это я понял. Кто?

КолобЭк посмотрел на Кота в сапогах. Тот едва заметно покачал головой.

— Древний род, — сказал КолобЭк.

— Фамилия?

— История не сохранила.

— Дом где стоял?

— Время стёрло следы.

— Родня осталась?

— Мы потеряли связь.

Фёдор задумался.

— Удобные корни.

Кот в сапогах повернул голову и посмотрел на него с профессиональным интересом. КолобЭк улыбнулся ещё шире.

— Корни не обязаны иметь адрес.

— Для регистрации обязаны, — сказала Яга.

Вот теперь улыбка дрогнула.

— Какой регистрации?

— Твоей.

— Я вернулся домой.

— Вижу.

— Значит, я не прибывший.

— Прибыл?

— Да.

— Значит, прибывший.

— Но к корням.

— В анкете такой графы нет.

КолобЭк посмотрел на Кота. Кот в сапогах наконец вмешался.

— Возможно, госпожа Яга, речь идёт о репатриации.

— Возможно. Документы?

Кот повернулся к КолобЭку. КолобЭк повернулся к дирижаблю. Яга поняла, что документы находятся где-то рядом с корнями.

— Потом, — сказала она. — Сначала другое. Ты откуда прилетел?

На этот раз КолобЭк ответил не сразу.

— Из ПанамЭрики.

— Чего уехал?

— Я не уехал.

— А что сделал?

— Переместил центр жизненных интересов.

Тихон тихо сказал:

— Уехал.

— Это упрощение.

— Мне подходит.

КолобЭк поправил ворот рубахи. Яга заметила, что рубаха сидит на нём плохо. В плечах тянула, возле шеи топорщилась, а вышивка была настолько свежей, что нитки ещё блестели.

— Проиграл? — спросила она.

КолобЭк посмотрел на неё.

— Что именно?

— Не знаю. Но вид у тебя такой, будто проиграл.

— У меня прекрасный вид.

— Вид прекрасный. Дирижабль облез.

Сверху как по заказу отвалилась маленькая серебристая пластинка и упала в траву. Кот в сапогах быстро наступил на неё сапогом. КолобЭк сделал вид, что не заметил.

— Политическая ситуация изменилась.

— Проиграл, — повторила Яга.

— Я оказался в условиях неблагоприятной электоральной конфигурации.

— Проиграл.

— Система была настроена против меня.

— Проиграл.

— Я предпочитаю смотреть вперёд.

— Наконец-то.

КолобЭк тяжело вздохнул.

— Да. Проиграл.

Белолесье удовлетворённо зашевелилось. Правда всегда воспринималась здесь лучше после того, как её долго вытаскивали. Яга кивнула в сторону лагеря.

— А запрет?

КолобЭк перестал поправлять рубаху.

— Какой?

Яга посмотрела на него.

— Тот самый.

Он понял. И впервые с момента спуска с дирижабля действительно помрачнел. Историю с Симороном Яга знала только кусками. Когда-то КолобЭк поддержал кампанию против него. Симорон казался удобной мишенью: нелепые ритуалы, красные трусы на люстрах, прыжки с табуреток, разговоры с бытовой техникой. КолобЭк тогда много говорил о порядке, здравом смысле и необходимости защитить общество от безответственного магического воздействия. Потом запрет начал расти. Яга уже видела как. «Симорон» превратился в «сходные практики». Сходные практики — в магические действия. Действия потребовали учёта предметов. Предметы привели к носителям способностей. А дальше механизм научился работать без тех, кто когда-то его запускал.

— Ты же за это был, — сказала Яга.

— Я был за запрет Симорона.

— Так с него и начали.

— Я имел в виду совсем другое.

Яга усмехнулась.

— Эта фраза у вас там обязательная после голосования?

КолобЭк нахмурился.

— Никто не собирался запрещать всё.

— А запретили.

— Это было расширительное толкование.

— Знакомое выражение.

— Потом появились радикалы.

— Конечно.

— Потом комиссии.

— Знаю.

— Потом проверки.

— Тоже знаю.

КолобЭк помолчал.

— А потом выяснилось, что я сам подпадаю под критерии.

Яга оглядела его.

— Под какие?

Он ответил неохотно:

— Неестественное происхождение.

Кикимора фыркнула. Фёдор кашлянул в кулак. Даже Тихон отвернулся. КолобЭк обвёл их взглядом.

— Очень смешно.

— Немного, — признала Яга.

— Я являюсь полностью дееспособным субъектом.

— Никто не спорит.

— С самостоятельной волей.

— Пока тоже.

— И значительным вкладом в экономику.

— А вот это уже не знаю.

Кот в сапогах тихо сказал:

— Лучше не развивать.

КолобЭк послушался. Оказалось, что после очередного расширения закона кто-то задал вопрос, является ли существо, чьё происхождение невозможно однозначно классифицировать как естественное, потенциальным носителем магических свойств. Комиссия решила, что является. Потом другая комиссия решила проверить самого КолобЭка.

— И что нашли? — спросила Яга.

— Ничего.

— Тогда чего ты здесь?

— Ничего — это тоже результат экспертизы.

— Очень удобный.

— Им понадобилось определить мой биологический вид.

Яга медленно посмотрела на него сверху вниз.

— И?

— Я отказался.

— Почему?

— Потому что вопрос о том, являюсь ли я человеком, магическим существом или...

Он замолчал.

— Или? — подсказала Кикимора.

КолобЭк сжал губы. Кот в сапогах кашлянул.

— Пищевым объектом, — закончил КолобЭк.

Несколько секунд Белолесье держалось. Первым не выдержал Фёдор. Потом Кикимора. Через мгновение хохотала уже половина собравшихся. КолобЭк стоял посреди дороги с достоинством человека, которому пришлось вернуться на родину именно затем, чтобы родина узнала, что за границей его пытались признать продуктом питания. Яга смеялась меньше остальных. Потому что ей вспомнилась метла на столе. Начиналось всё действительно с трусов.

— Так что произошло дальше? — спросила она.

— Я оспорил саму постановку вопроса.

— Успешно?

КолобЭк посмотрел на дирижабль. Ответ был исчерпывающим.

— И всё имущество? — спросила Яга.

— Не всё.

— А что осталось?

Он тоже посмотрел вверх. Дирижабль тихо скрипнул на канатах.

— Понятно.

На этот раз никто не смеялся. Потому что огромная серебристая машина вдруг стала выглядеть иначе. Не как демонстрация богатства, а как вещь, которую человек успел забрать, когда остальное уже забирали у него. КолобЭк первым нарушил паузу.

— В любом случае это прошлое.

Кот в сапогах оживился.

— Совершенно верно.

— Я возвращаюсь к истокам.

— Именно.

— К земле предков.

— Безусловно.

— К своим.

Белолесье снова насторожилось. Яга хорошо знала этот тон. Так обычно начиналось всё, что потом требовало согласования. КолобЭк расправил плечи.

— И прежде всего я принял решение вернуть себе настоящее имя.

— А до этого оно было ненастоящее? — спросила Кикимора.

— Оно соответствовало определённому этапу.

— Какому?

— Международному.

— А теперь?

— Теперь начинается новый.

Кот в сапогах уже улыбался. КолобЭк сделал паузу, явно рассчитывая на эффект.

— Отныне я не КолобЭк.

Яга посмотрела на него.

— А кто?

Он торжественно приложил ладонь к груди.

— Колобок.

Тишина продержалась секунды две.

— Чего? — спросил Тихон.

— Колобок.

— Зачем?

Колобок улыбнулся.

— Чтобы быть ближе к народу.

Тихон оглядел расстояние между ними.

— Подойди.

Яга отвернулась, потому что всё-таки засмеялась. Колобок сделал вид, что не слышал. Кот в сапогах немедленно достал небольшую записную книжку и что-то туда внёс. Яга это заметила.

— А ты вообще кто?

Кот захлопнул книжку.

— Кот в сапогах.

— Это я вижу.

— Тогда мы уже прекрасно понимаем друг друга.

— Сомневаюсь. Ты с ним?

Кот посмотрел на Колобка. Потом на Белолесье. Потом на дирижабль.

— В настоящий момент наши интересы совпадают.

— Он тебя нанял?

— Это слишком узкое определение наших отношений.

Колобок вмешался:

— Он мой советник.

Кот слегка наклонил голову.

— В том числе.

— По чему?

— По обстоятельствам.

Яга посмотрела на его дорогие сапоги, на записную книжку и на то, как быстро он успел оценить всех собравшихся.

— Ясно.

Ей было совершенно не ясно. Но было очевидно, что Кот в сапогах принадлежал к тем существам, которые никогда не приезжают просто так и редко работают только на того, кто им платит. Колобок тем временем снова смотрел на Белолесье. Лагерь за ручьём, временные навесы, очередь к Ягиному столу, Конёк возле сарая, Жар-птица у края поляны — всё это он рассматривал уже не как вернувшийся домой изгнанник. Скорее как человек, который увидел что-то интересное. Яга знала этот взгляд. Так Тихон смотрел на хорошее дерево. Так Кикимора — на бесхозный котёл. Так сама Яга — на чужую глупость, если из неё можно было извлечь пользу.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

— Врёшь.

Колобок улыбнулся.

— Думаю.

— Не надо.

— Почему?

— У нас и без этого хлопот хватает.

Кот в сапогах снова открыл книжку. Колобок посмотрел на лагерь ещё раз.

— Вот именно.

Яга хотела спросить, что он имеет в виду, но сверху раздался треск. Один из канатов дирижабля вырвал кусок мельничного столба. Тихон выругался и пошёл перевязывать. Колобок поднял голову.

— Небольшая техническая проблема.

— Это наша мельница, — сказала Яга.

— Возместим.

— Чем?

Колобок тоже посмотрел на свой единственный оставшийся дирижабль. Кот в сапогах тихо закрыл записную книжку. Возвращение к корням началось с долга за мельничный столб.

Глава 6. Понаехали

Пришельцы прибыли на следующий день. Не все сразу, что было бы хотя бы честно, а постепенно, с раннего утра, чтобы Яга успевала каждый раз решить, что хуже уже не будет. К девяти выяснилось, что будет. После появления Колобка Белолесье каким-то образом обнаружилось на карте мира. До этого оно тоже там было, но вело себя прилично: существовало в стороне от больших дорог, государственных интересов и людей, которые любят что-нибудь регулировать. Теперь же слух о месте, где уже осели первые беглецы и где представитель территории собственноручно вписывает в официальные анкеты «фотографированию не поддаётся», разошёлся далеко за тридевять земель. Кто именно его распространил, Яга не знала. Сороки категорически отрицали свою причастность, что почти всё объясняло. Стол пришлось вынести во двор ещё до завтрака. Тихон поставил рядом вторую лавку, потом посмотрел на дорогу и принёс третью.

— Зачем?

— Увидишь.

— Не каркай.

— Я не сорока.

Первым к столу подошёл мальчишка. На вид ему было лет тринадцать. Светловолосый, худой, уверенный в себе до той степени, когда взрослому немедленно хочется проверить, где лежат спички. Он положил перед Ягой документы.

— Питер Пэн.

— Фамилия Пэн?

— Просто Пэн.

Яга вписала.

— Дата рождения?

Питер назвал. Перо остановилось. Яга посмотрела на него. Потом на бумагу. Потом снова на него.

— Повтори.

Он повторил. Яга пересчитала в уме.

— Тебе больше двухсот лет.

— Да.

— Возраст?

— Тринадцать.

— Я вижу. По документам сколько?

— Тринадцать.

Он протянул ещё одну бумагу. Там действительно было написано, что предъявителю тринадцать лет. Документ выдали почти сто лет назад. Яга достала третий лист.

— Здесь тоже тринадцать.

— Да.

— А дата выдачи...

— Да.

— И всё это время тебе тринадцать?

— Да.

Яга положила бумаги на стол.

— Так не бывает.

Питер пожал плечами.

— Бывает.

— По закону возраст определяется от даты рождения.

— Тогда зачем спрашивать возраст отдельно?

Яга посмотрела в анкету. Хороший вопрос. В анкете действительно имелись две графы: дата рождения и возраст. До сегодняшнего дня Яга считала вторую удобной. Теперь она поняла, что это ловушка.

— Пишу двести с лишним.

— Тогда документы будут недействительны. Они выданы несовершеннолетнему.

— Пишу тринадцать.

— Тогда дата рождения не сходится.

— Это я уже заметила.

Питер терпеливо ждал.

— Ты вообще взрослый?

Он оскорбился.

— Конечно нет.

— Двести лет прожил.

— И что?

Яга посмотрела на Тихона. Тот сидел возле сарая и чинил ремень.

— Даже не начинай, — сказал он, не поднимая головы.

Яга написала в графе «возраст»: «13». Рядом в скобках добавила: «продолжительно».

Питер прочитал.

— А так можно?

— Сегодня можно всё, что помещается в строку. Следующий.

Следующей не оказалось. Яга сначала решила, что очередь замешкалась, потом услышала снизу:

— Я здесь.

Она заглянула за край стола. На земле стояла Дюймовочка.

— А.

Яга отодвинула чернильницу, потому что та полностью закрывала посетительницу. Дюймовочка поднялась на лавку, с лавки — на стопку ненужных разъяснений, после чего наконец оказалась примерно на уровне анкеты.

— Имя?

— Дюймовочка.

— Настоящее?

— Да.

Яга решила не развивать тему. После Денницы она стала терпимее относиться к именам, происхождение которых невозможно проверить. Дата рождения вопросов не вызвала. Место прибытия тоже. Проблема обнаружилась в приложении. Для новых прибывших требо-

валось указать особые физические признаки, если они могли повлиять на идентификацию. Яга посмотрела на Дюймовочку. Потом в форму. Потом опять на Дюймовочку.

- Рост.
- Один дюйм.
- Это я поняла. Куда писать?
- А где обычно?
- Нигде.

В анкете были цвет глаз, цвет волос, особые приметы, наличие крыльев, хвоста, дополнительных конечностей и «иных анатомических особенностей». Роста не было. Яга перечитала форму ещё раз, надеясь, что графа вырастет. Не выросла.

- Они считают рост нормой, — сказала она.
- Какой?
- Видимо, своей.

Дюймовочка встала на цыпочки и тоже посмотрела в бумагу.

- Напишите в особых приметах.
- Рост не примета.
- У меня примета.

Яга подумала и согласилась. В графе «особые приметы» появилось: «Вся». Дюймовочка осталась довольна. После неё подошла Белоснежка. Яга даже обрадовалась. Нормальная женщина. Одна голова, две руки, две ноги, возраст визуально совпадает с возрастом фактическим. Наконец-то анкета, которую можно заполнить без толкования законодательства. За спиной Белоснежки стояли семь гномов. Яга посмотрела на них. Потом на стопку чистых анкет.

- Хорошо. Начнём с вас.
- Белоснежка села.
- Мы вместе.
- Вижу.
- Поэтому хотим одну регистрацию.
- Яга перестала писать.
- Кого?
- Всех.
- В одной анкете?
- Да.
- Вас восемь.

Сзади немедленно раздалось:

- Нас семь!
- Яга подняла голову.
- Я про всех вместе.

Гномы успокоились, но не до конца.

- На каждого нужна отдельная анкета.
- Зачем? — спросила Белоснежка.
- Потому что вы отдельные лица.
- Один из гномов кашлянул.

- Это спорно.
- Чего тут спорного?
- Мы артель.
- Поздравляю.
- У нас общее имущество.
- Очень рада.
- Общая работа.

- Прекрасно.
- Общая ответственность.
- Ещё лучше.
- Круговая порука, — закончил другой.

Яга положила перо.

- В анкете нет круговой поруки.
- Значит, форма неполная.

За последние дни Яге это говорили так часто, что спорить уже не хотелось.

- Имена у вас разные?

Семь гномов переглянулись.

- Конечно.
- Тогда семь анкет.
- А Белоснежка?
- Восьмая.
- Нас семь!
- Да знаю я уже!

Избушка от неожиданности присела за Ягой. Белоснежка миролюбиво положила ладонь на стол.

- Давайте восемь анкет.

Гномы зашумели. Она повернула голову. Шум прекратился. Яга посмотрела на неё с уважением.

- Как ты это делаешь?
- Живу с ними давно.

Восемь анкет заняли почти час. Гномы действительно оказались отдельными лицами, но относились к этому без энтузиазма. На вопрос о профессии все семеро написали одно и то же. На вопрос о месте проживания тоже. Когда дошли до имущества, они снова попытались заполнить графу коллективно. Яга заставила каждого расписаться отдельно. Один поставил подпись за всех. Пришлось начинать заново. К полудню она поняла, почему некоторые государства предпочитают закрывать границы. Не из ксенофобии. Из-за почерка. Следующим оказался Пиноккио. Он сел напротив, положил руки на стол, и Яга сразу увидела, что сегодняшний день ещё способен удивить.

- Имя.
- Пиноккио.
- Вид?
- Он задумался.
- Мальчик.

Яга посмотрела на деревянные пальцы.

- Давай ещё раз.
- Живой мальчик.
- Это я вижу.
- Тогда зачем спрашиваете?

Яга нашла нужную графу. Там предлагалось выбрать: человек, животное, магическое существо, гибридная форма, иное.

- Ты человек?
- Я Пиноккио.
- Очень содержательно.
- Спасибо.
- Из чего ты?

Пиноккио насторожился.

— В каком смысле?

— В прямом.

— Из дерева.

— Вот.

Яга стала искать графу «материал». Её не было. Она проверила оборот. Не было. В приложении тоже. Зато имелась графа «шерстяной покров».

— Шерсти нет?

Пиноккио оскорблённо посмотрел на неё.

— Нет.

— Хорошо. Чешуя?

— Нет.

— Перья?

— Нет.

— Наружный материал?

— Я уже сказал.

— Вписать некуда.

Пиноккио пожал плечами.

— Это проблема анкеты.

Яга подняла глаза.

— Вы все сговорились?

— Кто?

— Никто.

— Тогда нет.

В графе «иное» она написала: «дерево». Потом задумалась и дописала: «одушевлённое». Пиноккио заглянул в бумагу.

— А просто «Пиноккио» нельзя?

— Если бы можно было просто писать, кто передо мной сидит, я бы эту стопку сожгла ещё утром.

Жар-птица, стоявшая неподалёку, заинтересованно повернула голову.

— Не тебе, — быстро сказала Яга.

Следующим к столу подошёл Железный Дровосек. Его было слышно заранее. Он слегка поскрипывал на каждом третьем шаге, и Яга сначала решила, что Тихон опять не смазал калитку. Дровосек сел. Лавка жалобно прогнулась. Яга придвинула новую анкету.

— Имя?

Он назвал.

— Вид?

— Человек.

Яга посмотрела на него.

— Бывший, — уточнил Дровосек.

— В смысле?

— Части постепенно заменялись.

— На железные?

— Да.

— Все?

Дровосек задумался.

— Практически.

Яга посмотрела в графу «магические свойства».

— Есть?

— Нет.

- Вообще?
- Вообще.
- А как ты живой?
- Механически.
- Не поняла.
- Я не магический. Я механический.

Яга замерла. Перечитала инструкцию. Потом ещё раз. Закон касался лиц, существ и объектов, обладающих магическими свойствами, имеющих магическое происхождение либо использующих магические способы воздействия. Железный Дровосек не подходил ни под один пункт. Он был человеком, постепенно заменившим себя железом, и функционировал по причинам, которые законодатель почему-то не счёл нужным запрещать. Яга пролистала приложение.

- Сердце есть?
- Да.
- Железное?
- Да.
- Работает?
- Да.
- Магия?
- Нет.
- Голова?
- Железная.
- Работает?

Дровосек слегка помедлил.

— В основном.

Тихон хмыкнул. Яга поставила печать.

- Поздравляю.
- С чем?
- Ты первый полностью легальный.

Дровосек оглянулся на очередь.

— Из всех?

— Пока да.

Он явно не знал, радоваться или обижаться.

- А почему?
- Потому что закон запрещает магию. Про железо забыли.

Дровосек заскрипел чуть громче.

- Это плохо?
- Для тебя — прекрасно. Пока никто не вспомнил.

Она отдала ему бумаги.

— Иди быстро.

Он ушёл. Яга некоторое время смотрела ему вслед с почти профессиональным восхищением. Первым существом, идеально соответствующим новому законодательству, оказался человек, от которого почти ничего человеческого физически не осталось. К вечеру очередь поредела. Яга уже перестала удивляться. После Питера Пэна, Дюймовочки, восьми отдельных коллективных регистраций, одушевлённого дерева и механического человека её мог впечатлить разве что кто-нибудь, существующий исключительно по четвергам. Последним подошёл Шиш московский. Яга знала его уже несколько дней. По крайней мере, ей так казалось. Он сел напротив.

— Документы.

Шиш протянул. Яга открыла анкету.

— Имя.

Он сказал. Она записала.

— Место рождения.

Он объяснил. Яга переспросила. Шиш объяснил подробнее. Через несколько минут выяснилось, что Москва в данном случае не обязательно означает Москву, «московский» не является указанием на место рождения, а Шиш — возможно, не имя, хотя все его так называют. Откуда именно он прибыл, зависело от того, что считать отправной точкой, потому что перед Белолесьем он некоторое время находился в месте, которое формально относилось к одному округу, фактически — к другому, а исторически вообще было третьим. Яга попыталась вернуться к началу.

— Хорошо. Вид?

— В каком смысле?

— Кто ты?

— А.

Шиш задумался. Потом начал объяснять. Через десять минут Яга обнаружила, что заполняет оборот анкеты. Ещё через пять — что они почему-то обсуждают старую дорогу на Москву. Потом Шиш рассказал историю про таможенника, который однажды пытался его зарегистрировать и в итоге сам снялся с учёта. Яга засмеялась. Шиш тоже. В какой-то момент он встал.

— Всё?

— Вроде.

— Ну и славно.

Он ушёл. Яга сложила бумаги, убрала чернильницу и наконец пошла ужинать. Утром она открыла папку. Питер Пэн был. Дюймовочка была. Белоснежка и семь гномов занимали восемь анкет и половину её терпения. Пиноккио был. Железный Дровосек — тоже. Яга перелистала бумаги ещё раз. Потом третий. Позвала Тихона.

— Шиш вчера регистрировался?

Тихон подумал.

— Вроде.

— Ты видел?

— Вроде видел.

— Он сидел за столом?

— Наверное.

— Я с ним разговаривала?

— Ты со всеми разговаривала.

— Анкету его видел?

— Нет.

Яга снова перебрала стопку. Анкеты не было. Она вышла на крыльцо. Шиш московский сидел возле забора и пил чай с Фёдором.

— Шиш!

— А?

— Ты вчера у меня регистрировался?

Он задумался.

— Вроде.

— Документы заполняли?

— Наверное.

— Где анкета?

Шиш пожал плечами.

— У тебя.

— Нету.

— Значит, не заполняли.

— А чего ты тогда вчера два часа у меня сидел?

— Разговаривали.

Яга прищурилась.

— О чём?

Шиш улыбнулся.

— Хорошо посидели.

Фёдор согласно кивнул. Яга вернулась к столу. Взяла список зарегистрированных. После Железного Дровосека там шла пустая строка. Перо в этой строке явно побывало: на бумаге осталась маленькая клякса. Яга долго смотрела на неё. Потом написала: «Шиш московский — регистрация не установлена». Подумала и добавила: «Повторно не регистрировать до выяснения факта первой регистрации». Получилось официально. А главное — теперь никто не мог обвинить её в том, что Шиш зарегистрирован незаконно. Потому что сначала следовало доказать, что он зарегистрирован вообще. Яга закрыла папку и посмотрела на очередь, которая снова начинала собираться у калитки. Тихон поставил возле стола четвёртую лавку. На этот раз она ничего не сказала.

Глава 7. Гостиница и сороки

К концу третьего дня Белолесье обнаружило неприятное свойство гостеприимства: оно занимало место. Пока пришельцев было немного, вопрос решался по-белолесски, то есть без всякого решения. Одному освобождали лавку, другому ставили раскладушку, третьего отправляли к тому, у кого сарай посуше. Конёк-Горбунок считал пригодным для сна любое место, где сверху не лилось, а снизу не кусали. Кот Баюн однажды улёгся на лавке возле Фёдоровой мастерской и настолько убедительно превратил её в собственность, что сам Фёдор весь вечер просидел на чурбаке, хотя лавку делал своими руками. Питер Пэн вообще не понимал, зачем человеку заранее знать, где он будет ночевать, если ночь сама рано или поздно найдёт его в каком-нибудь месте.

Но поток не прекращался, и к прежней поляне за ручьём пришлось прирезать ещё кусок лесной опушки. Там выросли новые навесы, между деревьями натянули верёвки, возле костров появились котлы, возле котлов — очереди, а возле очередей неизбежно возникли первые споры о том, кто пришёл раньше и считается ли человек, который только поставил миску, уже занявшим место. Яга наблюдала за этим из-за своего регистрационного стола и с каждым днём всё меньше понимала, как человечество вообще сумело расселиться по миру. По её нынешним наблюдениям, для переселения народов требовались не мужество и великие исторические причины, а чудовищное количество одеял, мисок, сухих носков и людей, способных без драки поделить один нужник на тридцать человек. Тихон ещё утром принёс ей новую пачку бумаги, укрепил навес над столом и, ничего не говоря, поставил рядом пятую лавку. Яга посмотрела на неё с неприязнью.

- Ты зачем её принёс?
- Люди стоят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.